

ИННОВАЦИИ В СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Е. Н. Ищенко

Воронежский государственный университет

Специфика социогуманитарных наук в последние годы стала одной из популярных тем как в философской, так и в специальной литературе. Для отечественной науки такой интерес был обусловлен, прежде всего, необходимостью осмысления тех процессов, которые произошли в 90-е гг. прошлого века. Крушение идеологии, покрывавшей собой методологическое пространство советской гуманитарной науки, повлекло за собой серьезные парадигмальные сдвиги. Отечественная гуманитарная мысль переживала по-своему уникальное время «информационного взрыва». Как известно, представления о развитии западной гуманитарной мысли (равно, заметим, как и о собственной прерванной традиции), сложившиеся в советском научном сообществе, были весьма далеки от реального положения дел. Однако лавинообразное увеличение прежде недоступных (или доступных крайне узкому кругу узких специалистов в той или иной области) гуманитарных текстов, принадлежащих к различным (часто противоположным) традициям, вызывавшее еще десять лет назад эйфорию, породило ряд весьма серьезных проблем. Именно поэтому перед отечественными гуманитариями остро встали проблемы заполнения смысловых «лакун» — как для включения в мировой контекст, так и для поиска собственного места в его рамках.

Так, на новом витке истории проблемы, которые глубоко и остро прозвучали в философских дискуссиях второй половины XIX в., вновь приобрели актуальность, повернувшись неожиданными гранями для отечественной гуманитарной мысли. Основной (если не сказать судьбоносный) вопрос об объективности в гуманитарном познании встал на повестку дня в связи с пришедшим на смену диктата марксизма плюрализмом исследовательских установок в истории, филологии, юриспруденции, социологии, политологии и других областях гуманитарного знания. Не останавливаясь подробно на анализе научных выводов из этих процессов, сосредоточим свое внимание на анализе тех методологических и методических последствий, которые они за собой повлекли.

Итак, глобальные изменения в содержании гуманитарного познания повлекли за собой естественные трансформации традиционных представлений о воспитательной и идеологических функциях гуманитарных дисциплин и, в свою очередь, изменения в методике их преподавания. Первоначальный тезис о полной деидеологизации как центральном принципе их преподавания все чаще стал подвергаться критике (заметим, зачастую вполне обоснованной). Эйфория методологической и методической свободы постепенно сменилась осознанием того, что социогуманитарное знание неизбежно оказывается идеологически нагруженным. И в этом случае вопрос о поисках принципиально новых подходов к определению соотношения воспитательной и образовательной составляющих в преподавании дисциплин социогуманитарного цикла логично перешел в сферу компетентностного подхода.

Эта идея нашла свое отражение в предложенном для обсуждения вузовской общестественности макете государственных образовательных стандартов (ГОС) третьего поколения. В новых образовательных стандартах предполагается объединение целей воспитания и профессионального образования, что стало существенной инновацией в сравнении с ГОС второго поколения. Так, освоение студентом основной образовательной программы должно способствовать формированию у него таких социально-личностных качеств, как гражданственность, коммуникативность, толерантность, ответственность. Вряд ли можно подвергнуть сомнению первостепенную роль в достижении этой цели дисциплин социогуманитарного цикла.

С другой стороны, бурное развитие социальных и гуманитарных наук, а также требования времени ставят проблему инноваций в этой сфере. Как нам представляется, устойчивый стереотип «ненаучности» (или «нестрогой научности») социальных и гуманитарных наук актуализировался с новой силой в настоящее время. Внимание к усиливающейся роли гуманитарных наук далеко не всегда адекватно переживается — прежде всего, в научной среде. Так, Дж. Капуто обращает внимание на движение в среде ученых-естественников против релятивизации (relativizing) на

учных результатов, которое в их понимании связано с размытием понятия «научности», и приводит в пример критические высказывания Нобелевского лауреата Стивена Вайнберга [1]. В свою очередь, А. Сокал, подвергая острой и саркастической критике претензии «cultural studies» на научность, видит в них стремление «снизить» требования к объективности в познании, что, по его мнению, может привести к размытию границ «научности» вообще [2].

Интересной гранью обернулись данные дискуссии в современной российской ситуации. Так случилось, что разработка и внедрение популярного теперь тренда «инновационность» исходно основываются на неверной, по нашему мнению, посылке об исключении из него социогуманитарных наук. Иначе говоря, само понятие «инновация» оказалось ... не применимо к социогуманитарной сфере. Между тем, по нашему глубокому убеждению, такой подход не только препятствует развитию гуманитарных наук, но и обедняет само представление об инновациях. Если понимать инновации как «прорывные» направления исследований, выводящие общество на качественно новый уровень развития, то гуманитарным наукам, безусловно, есть что сказать по этому поводу.

Именно в этом смысле гуманитарные науки обладают колоссальным инновационным потенциалом, который не стоит недооценивать. Можно выделить два наиболее отчетливо просматривающихся уже сейчас взаимосвязанных аспекта инновационной деятельности в данной области: междисциплинарность в исследовательской и образовательной сферах и практическая ориентированность.

Идея междисциплинарности довольно долго пробивала себе дорогу в рамках устоявшейся дисциплинарной матрицы социогуманитарных наук. Потребовалось время для того, чтобы скепсис университетских ученых, привыкших к устойчивым научным школам и тематикам и оценивавших ее как утопичную, сменился живым интересом и перешел к практической реализации. Современные исследования проблем национальной идентичности, языковой картины мира, политического дискурса, толерантности и межкультурной коммуникации естественным образом привели к междисциплинарному синтезу как в содержательном и методологическом аспектах, так и в процессе трансляции их результатов в университетской практике обучения. Изменение фокуса научного интереса университетского преподавателя (заметим, что именно органическая связь научных исследований и учебного процесса и отличает университетскую образовательную среду) по-

влекло за собой необходимость методических новаций в работе со студентами.

Обращение к «смежным» отраслям знаний позволило разбудить творческую активность учащихся, которым приходится получать новые знания, выводящие за рамки частной науки, не просто по необходимости, но и в связи с самой внутренней логикой развития собственной курсовой, дипломной или магистерской работы. И речь в данном случае идет не о научных студенческих работах, где такой элемент уже не вызывает особого удивления, а именно об учебной деятельности. Изменяется и сама тематическая направленность студенческих квалификационных работ, становясь более соответствующей требованиям современной ситуации.

Кроме того, именно в этих «пограничных» областях, являющихся точками роста нового гуманитарного знания, проявляют себя и новые возможности для своеобразной «реабилитации» гуманитарных наук в глазах общества. Актуальные проблемы, поставленные перед учеными политическими, экономическими, социальными реалиями, требуют нестандартных подходов и нетривиальных решений.

Как мы уже отмечали, практического выхода общество традиционно ждет от естественных наук. Но не стоит недооценивать тот факт, что одним из неотъемлемых свойств гуманитарного познания является не только неразрывная связь с «расширением» культурного пространства, созданием новых культурных феноменов, но и его значительное влияние на изменение реалий общественной жизни. Как справедливо отмечает С. Штрассер, «теоретические утверждения исследователя могут иметь далеко идущие практические эффекты. <...> Современная история показывает, что такой эффект — не только мыслим, но действительно возможен. Вспомните о трех наиболее известных теориях в области гуманитарных наук. Каждый исследователь западной культуры признает, что экономическая теория Адама Смита, политическая теория Карла Маркса и психоаналитическая теория Фрейда повлияли как на жизни индивидуумов, так и на жизнь общества в целом; они создали новые ситуации, новые человеческие отношения, новые формы жизни» [3]. Результаты научных исследований представляют собой и фактор, изменяющий социокультурный ландшафт, а зачастую становятся основой новых общественных идеологий. Использование результатов исследований заставляет на самом деле задуматься над тем, «как наше слово отзовется».

Поэтому возникает своеобразный зазор между тем влиянием, которое реально оказывают гуманитарные науки на развитие общества, и его

оценкой. Так, разработка политических, экономических, социальных сценариев развития общества уже давно стала той самой «практической составляющей», которая в идеале должна определять стратегию действия ветвей власти различного уровня: от региональных до федеральных. Привлечение крупных ученых для экспертизы различных программ, инициируемых властью, стало уже «хорошим тоном». Однако нельзя не отметить тот факт, что формирование культуры взаимоотношений власти и научного сообщества — это «улица с двусторонним движением».

На самом деле проблема оказывается еще более сложной. Ведь за выводами, отраженными в сценариях общественного развития (отдельных его аспектов), стоит не только модель будущего, в котором могут и должны быть разрешены актуальные проблемы современности, но и скрывается определенное отношение к происходящему в настоящий момент. Как остроумно в связи с этим отмечает Дж. Капуто, ученые, пренебрегающие анализом реального положения дел в угоду собственным теоретическим моделям, однажды могут «обнаружить себя <...> задумчиво сидящими у подножия руин греческого храма <...> и ожидающими бога, который должен принести спасение, в то время как остальная часть мира <...> переписывается по электронной почте» [4]. Исследователь может по-разному воспринимать актуальную ситуацию (модели отношения к ней простираются здесь в диапазоне от «бегства от реальности» до безусловного не критического приятия как абсолютной и неизменной данности) и соответственно по-разному толковать свою роль в ее рамках. Вспомним, что еще в 60-е гг. Р. Мертон предложил термин «самовыполнение

пророчеств» (self-fulfilling prophecy), подразумевающий необходимость соблюдения крайней осторожности в вынесении «футурологических вердиктов», последствия которых могут быть настолько непредсказуемыми, что ...они просто сбываются.

Современная ситуация вновь поставила перед гуманитариями проблему поиска своего места как в пределах *globus intellectualis*, так и в границах общественных реалий. Трансформационные процессы в современном российском обществе, вхождение в европейское образовательное пространство, изменения приоритетов общественного развития становятся сегодня теми «вызовами», адекватные ответы на которые может и должна дать отечественная гуманитарная мысль. Именно сейчас инновации в этой сфере требуют пристального внимания, тщательного анализа и должны стать предметом широкого обсуждения, в том числе и в рамках вузовского сообщества.

Литература

1. *Caputo John D. Hermeneutics and the Natural Sciences: Heidegger, Science, and Essentialism // J. D. Caputo. More Radical Hermeneutics : On Not Knowing Who We Are / J. D. Caputo. — Bloomington, Ind. : Indiana University Press, 2000. — P. 151—152.*
2. *Sokal A. Fashionable Nonsense: Postmodern Intellectual's Abuse of Science / A. Sokal. — New York : Picador USA, 1998. — 300 p.*
3. *Strasser S. Understanding and Explanation. Basic Ideas Concerning the Humanity of the Human Sciences / S. Strasser. — 1st ed. — Pittsburgh : Duquesne University Press, 1985. — P. 174.*
4. *Caputo J. D. More Radical Hermeneutics : On Not Knowing Who We Are / J. D. Caputo. — Bloomington, Ind. : Indiana University Press, 2000. — P. 171.*